

27 ФЕВРАЛЯ (12 марта) 1909 года в журнале сольвычегодского полицейского исправника появилась запись: «Сего дня Иосиф Виссарионович Джугашвили по постановлению г. Министра Внутренних Дел водворен на жительство с предписанием за ним надзора полиции». Спустя 8 месяцев — 29 октября — к ней было сделано дополнение, сообщавшее, что Джугашвили, совершивший 24 июня побег, вновь приконвоирован в Сольвычегодск.

Если в первый раз по пути в этот далекий северный городок Джугашвили-Сталин, доставленный на станцию Котлас, сразу же был этапирован к месту ссылки, то во второй ему пришлось стать, возможно, одним из первых арестантов Котласской пересылки, о событиях и причинах, предопределивших появление которой, рассказывают архивные документы.

Как известно, история европейского Севера России на протяжении ряда веков связана с летописью политической ссылки, тюрем и лагерей. Так сложилось, что наше внимание попеременно и, как правило, всецело уделялось то дореволюционному, то советскому ее периодам. При этом определенная преемственность, схожесть мышления властей (пусть и полностью сменившихся) оставались фактически незамеченными.

А. Солженицын, посвятивший большую часть своей жизни изучению периода репрессий 20-х — начала 50-х годов, в «Архипелаге ГУЛАГ», в частности, писал: «Напряженнее и откровеннее многих была Котласская пересылка. Напряженнее потому, что она открывала пути на весь Северо-Восток, откровеннее потому, что это было уже глубоко в Архангельске... Хотя здесь уже густо селили мужиков, когда ссылали их в 1930, однако и в 1938 далеко не все помещались в хлипких одноэтажных бараках...»

Оставляя исследователям творчество Александра Исаевича это «глубоко в Архангельске» и понимая несоизмеримость масштабов ссылки до революции и после нее, замечу, что отношение к этапироваемым было одинаково бесчеловечным.

ЕСЛИ ДАЛЕКО не все репрессированные 30-х годов получали крышу над головой, то их предшественникам в нача-

ле века вообще приходилось коротать ночи под открытым небом.

Именно так происходило в период реакции, наступавшей по мере угасания первой русской революции 1905—1907 годов. Обстановку тех лет характеризует напечатанная в апреле 1907 года газетой «Биржевые ведомости» статистически-холодная заметка: «Казни. В течение 8-ми месяцев без 6-ти дней по приговорам военно-полевых судов казнены 1144 человека, то есть средним числом по 5-ть человек в сутки».

Тех, кто был замешан в революционных выступлениях, но не настолько, чтобы быть «достойным» примерить «стольпинский галстук», наказывали годами тюрьмы и ссылки. Значительная их часть направлялась в «подстоличную Сибирь» — Архангельскую и Вологодскую губернии. Так, например, только с января по начало августа 1906 года в северо-восточные уезды последней — Сольвычегодский, Устьысольский, Устюжский и Яренский — прибыло 1297 человек. Месяц от месяца поток политических арестантов возрастал, при этом три четверти из них следовали к местам ссылки через Сольвычегодск.

Нельзя сказать, что его жители были удивлены фактом появления «политических» — к ним привыкли еще с середины XIX века. Изумляло другое — их количество: за год определенное на место жительство в Сольвычегодск и следовавших через него на много превышало численность населения небольшого уездного городка.

К столь неожиданному и лавинообразному наплыву, как это испокон веку ведется на Руси, ничего, конечно, не было подготовлено. В Сольвычегодске имела лишь тесная уездная тюрьма, с приходом пер-

Николай Ярошенко.
ПОД КОНВОЕМ.

МЕЧТА Исправника Цивилева

вых этапов преобразованная в пересыльную. Ее переименованием и ограничилась забота губернских и центральных властей — о выделении средств на питание и одежду этапироваемым, на увеличение штатов полиции вовремя опять же не побеспокоились.

Их нехватка стала головной болью сольвычегодского исправника Цивилева. Предел его мечтаний выразился в плане изменения маршрута следования, хотя бы на летнее время, когда этапироваемых вполне можно было бы направлять из Котласа на баржах мимо Сольвычегодска вверх по реке. Но для его осуществления надо было иметь пересыльный пункт непосредственно вблизи железнодорожной станции.

Возможно, уездные власти самостоятельно изыскали бы средства и приступили бы к его строительству, но им мешала административная граница: Котлас находился в другом уезде, Устюжском. Поэтому исправнику пришлось ставить вопрос перед губернским правлением, послав 23 июня 1908 года соответствующий рапорт: «Следующие со всей России арестанты направляются по железной дороге до конечной станции Котлас и от нее следуют к г. Сольвычегодску, отстоящему в 22 верстах. При станции нет этапного помещения, где бы арестанты могли содержаться хотя бы несколько дней. Необходимость в этом бывает часто, особенно в осеннюю и весеннюю распутицы, когда переправы через Вычегду нет...»

В связи с вышеизложенным докладываю, что, по моему мнению, надо устранить это затруднение, а именно: чтобы не допускать содержание арестантов длительное время вне помещения, особенно зимой, при ст. Котлас следует устроить избу-барак в два отделения: мужского и женского...»

Думаю, не стоит сомневаться в намерении исправника хоть как-то помочь людям, вынужденным ночевать на морозе, однако вместе с тем уверен: главным, что его двигало, было желание избавиться от них и переложить проблемы на своего устюжского коллегу.

КОГДА со времени отправки первого рапорта прошел месяц, исправник отослал второй: «Вам неизвестно, что каждую неделю через местную тюрьму проходит этап от 50 до 100 человек. Для большинства пересыльных, не имеющих своей одежды, приходится брать ее из тюрьмы. Есть арестанты, прибывшие в рваных рубахах и портках, босые, без верхней одежды. Их устьы-

сольский и яренский конвой отказываются брать на этап. Тюрьма дать одежды больше не может, так как ее не хватает даже местным арестантам...»

Упирая в этот раз на нехватку одежды и многократную переполненность камер, Цивилев вновь ставил вопрос о Котласской пересылке. Однако ответа опять же не последовало.

Первым, у кого сдали нервы, стал начальник тюрьмы Лапинский. 3 сентября он подал рапорт: «Прилагаю медицинское свидетельство о болезни, имею честь покорнейше просить принять от меня бумаги и имущество. Посещать тюрьму и нести служебные обязанности по расстройству здоровья не в силах...»

Прошла осень, наступила зима, принесшая новые заботы. 31 января 1909 года в Сольвычегодск пришла телеграмма от губернатора: «На Котлас еженедельно будет отправляться кроме очередного этапа внеочередной по понедельникам. Распорядитесь по вторникам к приходу поезда высылать стражников...»

В начале апреля резко потеплело и на радость Цивилеву с 5-го числа переправа по льду реки стала невозможной. Теперь за голову пришлось схватиться устюжскому исправнику — на подведомственной ему станции скопилось невиданное раньше количество арестантов и оно с приходом каждого поезда угрожающе увеличивалось. Таким образом, с вопросом о строительстве хотя бы временного помещения для их содержания тянуть дальше было нельзя.

В АРХИВНЫХ делах нет точных сведений о дате открытия Котласской пересыльной тюрьмы, однако нет и никаких сомнений, что это событие произошло не позднее лета-осени 1909 года. Об этом, в частности, говорит тот факт, что с мая по октябрь этапироваемые (о чем и мечтал Цивилев) отправлялись из Котласа на баржах-тихвинках. А в ожидании их арестанты, конечно же, содержались в каких-то помещениях, скорее всего, в наспех сколоченных бараках. Наверняка именно в одном из них провел несколько дней в период ледостава вторично конвоируемый к месту ссылки Сталин.

Как знать, вполне возможно, что этот барак сохранился до 20—30-х годов, и не исключено, что в нем мог оказаться сам автор идеи создания Котласской пересылки — бывший исправник Цивилев.

В заключение необходимо отметить, что ужесточенные и обостренные в годы гражданской войны многовековой опыт и традиции подавления политического и религиозного инакомыслия, исключительно силового разрешения общественных противоречий, пренебрежительного отношения государственной машины к человеку как личности, отсутствие элементарных человеческих прав не могли не передаться по преемственности пришедшим к власти после Октября 1917-го. Им же досталась в наследство и созданная прежним режимом широко разветвленная сеть пересылок, тюрем и маршрутов этапирования, само сохранение и использование которой подталкивало недавно вырвавшихся из ее объятий мыслить, поступать и вершить человеческими судьбами точно так же, как это делали с ними.

Цель публикации как раз и состоит в том, чтобы напомнить об этом.

Михаил ЛОЩИЛОВ.

ЭХОЛОТ
лучший подарок для
рыболова!

Незаменимый
помощник на зимней и
летней рыбалке
ТД "Апико-Фиш"
(095) 234-32-00

ВЫ ХОТИТЕ ПОДАТЬ
ОБЪЯВЛЕНИЕ
В НАШУ ГАЗЕТУ?

с 7 до 20
час.

НАВЕРН
009

Организация ПРОДАЕТ

благоустроенное помещение
в 8 м/р - площадь 110 кв.м,
1-й этаж, отдельный вход.
Стоимость 10 000 у.е.

Тел.
для справок
24-24-23.

БЕСПЛАТНАЯ ДОСТАВКА ПО АРХАНГЕЛЬСКУ, В СЕВЕРОВИНСКИ И НОВОДВИНСКИ

АРХАНГЕЛЬСК, ШИЖИ ТИММЕ, 23, ОФ. № 216
ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ

ДЕКОРАТИВНАЯ КОСМЕТИКА	Натураль	КРЕМА	Уральские самоцветы
КРАСКИ	Розалор	ШАМПУНИ	Невская косметика
ОДЕКОЛОНЫ, ДУХИ	Лонда	ЗУБНЫЕ ПАСТЫ	Линда
СРЕДСТВА ДЛЯ БРИТЬЯ	Новая Заря	МЫЛО	Алраф
СТИРАЛЬНЫЕ ПОРОШКИ	Шик Бик	КОЛГОТКИ	Мезолласт
ЖИДКОСТИ ДЛЯ СНЯТИЯ ЛАКА	Эра	СРЕДСТВА ДЛЯ УКЛАДКИ ВОЛОС	Корона
ЖЕНСКИЕ ПРОКЛАДКИ "НАТАЛИ", "ЛИБРЕСС"	Аист		Илмарин
	Ласка		Шварцкопф
	Дося		Леванте
			Голден Леги
			Фаворит
			Грация
			Санталаэрино
			Арнест
			Гермония плюс
			Профлайн
			Шварцкопф

СКЛАД И ОФИС В ОДНОМ МЕСТЕ, ПРИЕМ ЗАЯВОК ПО ТЕЛ./ФАКСУ 26-24-10, 26-35-07